

мы из сорок первого...

воспоминания

Дмитрий Левинский

Мы из сорок первого...
Воспоминания

«Новое издательство»

2005

Левинский Д.

Мы из сорок первого... Воспоминания / Д. Левинский — «Новое издательство», 2005

В двадцатилетнем возрасте Дмитрий Левинский попал на войну, прошел через плен и концлагерь и вновь вернулся на фронт. «Мы из сорок первого...» – воспоминания Левинского о войне и лагере с редкими для этого жанра «аналитическими» отступлениями, основанными на широком круге документальных источников и вписывающими судьбу молодого ленинградца в панораму «большой» истории. Книга публикуется впервые, проиллюстрирована фотографиями из архива автора.

© Левинский Д., 2005

© Новое издательство, 2005

Содержание

От издательства	5
Записки сержанта и поэта	6
Мы из сорок первого...	9
Предисловие	9
Глава первая	12
Чернигов	12
1	12
2	16
3	19
4	20
5	23
6	27
Ромны	27
1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрии Левинский

Мы из сорок первого... Воспоминания

От издательства

В основу настоящего издания лег машинописный экземпляр, подготовленный и изданный автором собственноручно в 2-х экземплярах.

В подготовке настоящей книги принимали участие Татьяна Тигонен и Анастасия Апина. При окончательном редактировании рукописи фрагменты сугубо не мемуарного или вторичного характера были опущены. Сделанные при этом сокращения обозначены знаком <...>. Авторское название рукописи «Мы из сорок первого, или Ты – моя звезда»: Автобиографическая повесть» – укорочено. Явные опечатки исправлены без оговорок.

Сердечно благодарим Татьяну Дмитриевну Левинскую, дочь автора, предоставившую для работы семейный архив отца (впоследствии подаренный ею московскому обществу «Мемориал») и Федора Степановича Солодовника, председателя правления Межрегиональной общественной организации «Общество бывших российских узников Маутхаузена» и вице-президента Интернационального Маутхаузен-Комитета, за помощь в подготовке и издании этой книги.

Записки сержанта и поэта

До чего проклятая штука – война! Как она уродует жизнь человека, соприкоснувшегося с ней: одни погибнут в расцвете сил, не познав прелестей жизни; другие смолodu станут инвалидами до конца своих дней; третьи попадут в плен – война без плена не бывает, что бы там ни говорили! – и, если выживут, станут надолго считаться людьми второго сорта, предателями родины; четвертые пропадут без вести, и о них никто ничего не узнает; пятые, которым повезет и они вернутся невредимыми, вполне возможно, на всю жизнь останутся черствыми, жестокими людьми с надломленной психикой оттого, что им приходилось много убивать, – это сделалось их профессией, – и эта моральная травма будет долго их преследовать.

Дмитрий Левинский. Мы из сорок первого...

В 1997 году петербургский «Мемориал» устроил презентацию моей книги «Жертвы двух диктатур» у себя в Питере. После дискуссии, оживленной и доброжелательной, ко мне подошло несколько человек из числа «персонажей» книги, и мы еще долго разговаривали.

С одним из них мы увиделись в этот же или на следующий день у него дома. Он хотел непременно дать мне почитать то, что написал сам.

Это был Дмитрий Константинович Левинский.

В руках у меня оказалась удивительная книга. На колофоне было проставлено: «Сигнальные экземпляры изданы во второй авторской редакции и на средства автора. Компьютерный набор, верстка и печать выполнены автором. Сдано в набор 01.04.96. Подписано в печать 28.04.96. Формат 60*84/16. Бумага типографская. Печать высокая. Уч. – изд. л. 20,6. Тираж 2 экз. Цена договорная».

Здесь все правда, кроме одного: купить эту книгу было невозможно, в продаже ее не было. Так что в руках у меня находился необычный «самиздат» – эпохи гласности и перестройки...

Начав читать, я не мог оторваться от книги, пока не дочитал ее до конца. Интерес и восхищение вызывало буквально все – и сама военная судьба Левинского, и его любовь, и его редкостная аналитичность, и даже то, как книга была написана.

За предыдущие период мы как-то привыкли к военным мемуарам лиц, в годы войны служивших на маршальских, генеральских или, самое меньшее, полковничьих (как, например, Л. И. Брежнев) должностях. Помнится, как вся страна всерьез зачитывалась книгами Жукова или Штеменко.

О том же, сколько в них было похвальбы, лжи и, что то же самое, умолчаний, не стоит и говорить, как не стоит разбираться и в том, где прошелся «внешний», а где «внутренний» цензор.

Впрочем, на Западе в те же годы выходили воспоминания и не столь высоких чинов, главным образом из числа военнопленных-невозвращенцев, но, кажется, ни один из них ни на шаг не отвлекался от перепитий собственной судьбы и не замахивался на размышления о войне в целом, об отдельных ее составляющих, о ее тактике и стратегии. Единственный, кто всерьез покусился на эту неписаную прерогативу штабистов, стал, пожалуй, автор «Ледокола».

Записки сержанта (или, по занимаемым должностям, младшего лейтенанта) Дмитрия Левинского решительно и уверенно рвут с этой «традицией». Автор – не только замечательный мемуарист, но и прирожденный аналитик, мобилизующий все доступные ему сведен и я по затронутому вопросу и накладывающий их на то, что пережил сам. Страницы «чистых» вос-

поминаний чередуются со страницами исследовательского или полемического склада. Но и в сохранных памятью, подчас самых малых деталях – от амуниции до построения на марше – он умеет видеть отражение больших событий или масштабных замыслов. Жанр, в котором написаны его мемуары, я бы так и назвал – «аналитические воспоминания».

Приучивший себя к интеллектуальной самостоятельности (а то, что в свои преклонные годы он самостоятельно набрал, сверстал и «издал» свой труд аж в двух экземплярах, видится мне также одним из проявлений этого свойства), Д. Левинский не признавал непререкаемых авторитетов и равно серьезно, убедительно и жестко полемизировал и с советскими военачальниками (с генералом Тюленевым, например, или с авторами выходящей в 60-х годах 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945»), и с Виктором Суворовым (скажем, сего построениями о таинственной 9-й ударной армии вторжения Южного фронта).

В книге пять глав: первая – «На службе в РККА. 1939–1941», вторая – «На Южном фронте. 1941», третья – «В германском плену. 1941–1942», четвертая – «В нацистских тюрьмах и концлагерях. 1943–1945» и пятая – «На службе в РККА. 1945–1946». Армейская служба как бы естественным образом закольцовывает композицию. Главы разбиты на главки, обозначенные географически, – по местностям, где то или другое событие происходило. В каждой большой главе просматривается та или иная главная, или сквозная, общая тема. Например, в первой главе это – готовился ли СССР к войне с Гитлером (диалог с Суворовым), а в третьей – искусство выжить в плену: так, осенью 1941 года, находясь в пересыльном лагере в Яссах, автор стал выменивать на сигареты теплые вещи у военнопленных западных украинцев, ожидавших со дня на день скорого освобождения, и тем самым «подготовился» и пережил лютую зиму (мало того, видя предпочтение, которое оказывалось украинцам, он и сам назвался Левченко) и так далее.

Вот характерный образец такого рода обобщения, поводом для которого послужила нелепая инструкция по оповещению полкового начальства о начале войны – бегом через всю Одессу с конвертом в руках и обратно, но уже вместе с командиром и почему-то тоже бегом: «Сейчас только диву даешься, сколько „мусора" было в наших солдатских головах в то далекое время. Но такими нас упорно делала система: другие ей были не нужны. Этого мы тогда не понимали, но целиком соглашались с таким положением. Мы тоже по-другому не мыслили и во всем поддерживали систему. Мы являлись ее продуктом, ее детьми, ее оплотом... Существовавшая система напрочь отучала людей думать самостоятельно даже в одиночку: вдруг кто-нибудь мысли услышит? Думать стало опасно! Прикажут – выполним, а думать – нет, от этого избавьте: жить хотим. Кто много думал – тех уже с нами нет. Результаты такого подхода не замедлят сказаться... Наша дивизия называлась „дивизией прикрытия границы", а командир полка не мог воспользоваться ни велосипедом, ни мотоциклом, ни автомашиной, ни повозкой на худой конец. Неужели так можно начинать войну? Как объяснить это самому себе?

Но тогда мы просто бежали, а думать о нелепости такой системы оповещения стали намного позднее. А почему нельзя было оповестить по телефону? Много возникает таких „почему", а вразумительных ответов не найти. Таков был наш общероссийский порядок, засекреченный вдоль и поперек!»

В силу ли личных качеств или по-юношески крепкой памяти, но по интересу к точности и по любви к мелкой детали Дмитрий Левинский мало кому уступит: «В пехоте на переднем крае долго не живут – ни рядовые, ни командиры. „Старожилы" переднего края – редкое явление. К середине июля в ротах на лейтенантских должностях пооставались одни сержанты. Наверное, потому, что вначале сержантов было в 3–5 раз больше, чем лейтенантов, вот и осталось их больше. Но главное в другом: воевали сержанты по-другому. Им не надо было демонстрировать перед бойцами свою удаль и отвагу. С лейтенантами было сложнее...»

Или другой, еще более яркий пример. В феврале 41-го года в одной из одесских газет попало ему на глаза стихотворение никому не известной Елены Ширман. Уже название «Так будет» было весьма недвусмысленным: «...И час придет. Я встану, холодея./Скажу: „Фуфайку не забудь, смотри..."/Ты тщательно поправишь портупею/ И выпрямишься. И пойдешь к двери...»

В стихах этих он расслышал пророчество о будущей войне с Германией, столь совпадавшее с тогдашними ощущениями и его самого, и многих-многих других. Приведя стихотворение (оно сохранилось благодаря тому, что было послано с письмом в Ленинград), он пишет: «Что же получается? Сталин упорно не хочет видеть приближения войны. Он ее не ждет, носам готовит! А Елена Ширман не только ждет ее со дня на день, как и мы, грешные, а описывает ее начало, причем тревожно и трогательно, как-будто уже провожает мужа на фронт.

Вывод: ничего не видел только тот, кто не хотел видеть, как приближалась война. В сознании многих она уже шла! Сложное чувство осталось от этого стихотворения. Больше я его никогда не встречал».

Для книги существенно и то, что написана она не только столь много видевшим и испытанным и притом столь внимательным и вдумчивым человеком, но еще и поэтом (его романтические стихи вплетены в ткань повествования). Но и этого мало: перед нами еще и подлинный рыцарь в дон-кихотовском смысле слова, чьей путеводной звездой и не-призрачной Дульсиной была реальная ленинградская девушка, Нина Граур, долгие семь лет разлуки хранившая верность своему рыцарю, как и он ей. Несмотря ни на что, он не позволил своей душе ожесточиться, заматереть, и не это ли в конечном счете спасло не только душу, но и тело – саму жизнь! – ленинградского мальчишки Димы Левинского от гибели! А смерть всегда была где-то рядом, в двух шагах: по ходу записок – в главах о войне, о плене и о концлагере – я насчитал не менее двух десятков ситуаций, живым из которых выйти было труднее, чем мертвым.

Но судьба долго хранила его – храброго сержанта, влюбленного поэта и размышляющего историка.

До выхода своих воспоминаний в свет Дмитрий Левинский, увы, не дожил, но хочется верить, что книгу его читатель оценит по достоинству.

Павел Полян

Мы из сорок первого...

Светлой памяти без вести пропавших в 1941–1945 годах

Предисловие

*Не знаю что – судьба или подкова
Хранит меня в плену земных забот?
...И в смертный час я не умру, а снова
Вернусь обратно в сорок первый год.
Вернусь обратно в пекло канонады,
В соединенье братства на крови,
К отмеченным отсутствием награды —
Однополчанам жизни и любви...*

Михаил Дудин

*... Как я выжил – будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой...
Константин Симонов*

Эта повесть охватывает период трудных для страны лет – с тридцать девятого по сорок шестой (тут же подумалось: а когда у нас были легкие годы?). Повесть – не вымысел, а документ. Все события, факты и имена – подлинные (а все, что дается от третьих лиц, – специально оговорено).

Что побудило меня к ее написанию?

Неимоверную цену заплатила страна за Победу. Заплатила многими жизнями и многими судьбами, в том числе и моих товарищей по боям, и по плену.

На моей книжной полке стоит много послевоенной мемуарной литературы. Но сегодня я не могу ее читать: настолько суровая правда войны перемешана там с обязательной, но красивой ложью. Эти книги трактуют события в хвалебном тоне. Но пришло время, и появились другие авторы, пишущие по принципу: все, что было, все было плохо!

В память павших за Родину, в том числе и безвестных солдат, я себе не позволил ни того, ни другого. Что хорошо, а что плохо – пусть рассудит читатель. И о роли партии я не умалчиваю стыдливо, поскольку партией для меня в те годы были лучшие и храбрейшие мои товарищи и командиры, о которых могу сказать только добрые слова. Это они, партийные и беспартийные, завоевали Победу ценой жизни.

И пусть сегодня говорят, что тогда сражались не за Сталина, а за Россию, за Союз. Это не так: отдавали жизнь и за Сталина, но главное – отстаивали целостность своей земли, пусть даже и с тем порядком, который на ней утвердился. Бездарно и бесславно начал войну Вождь, но мы не желали отдать врагу на поругание все то светлое и радостное, с чем выросли и что нас окружало.

Я имею в виду, впрочем, только тех из нас, молодых, кому повезло и кто не успел напрямую столкнуться с репрессиями. Об этом забывать нельзя: страна жила двойной жизнью, причем одни ее граждане видели только хорошую сторону, а другие – только плохую. Мне повезло,

я не испытал на себе репрессий¹. Таким, как я, дорого было многое – и песни Дунаевского, и патриотические кинофильмы, и челюскинцы, и Чкалов, и праздничные демонстрации, и пионерские сборы.

Перед моими глазами стоят ушедшие навсегда сверстники предвоенных лет: какой одухотворенный свет излучают их прекрасные лица с давно поблекших фотографий. Сегодня их могут назвать чужаками, но я – один из них, и всегда буду с ними, павшими и живыми. Многим сегодня покажется странным, что мы в 15–16 лет мечтали попасть добровольцами в республиканскую Испанию, стремились схватиться с фашистской Германией, отчетливо сознавая, что, пока там Гитлер, нам спокойно не жить.

Почему большинство из нас были такими максималистами? Еще с Гражданской войны, расколовшей страну на два непримиримых лагеря, мы все сделали либо «нашими», «красными», либо – «не нашими», «белыми», то есть врагами. Истоки навязанной нам жесточайшей классовой борьбы – одновременно в Кремле и в коммунальных кухнях. Среднего было не дано – никаких компромиссов: «Врага – уничтожают!»

Каждый из нас с малолетства впитывал эти идеалы и готов был биться за них смертным боем – в школе, на улице, в окопах. Мы пели: «Мы – молодая гвардия рабочих и крестьян!» Это понятно: остальных за борт! И еще мы пели: «Взвейтесь кострами синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих!» А здесь непонятно – крестьяне куда-то исчезли. А их за что? Ну, интеллигенция – врачи, учителя, инженеры, артисты – это понятно: классово чуждая, ненадежная, почти вражеская прослойка. Но почему тогда в «Мартирологе», выпущенном в Петербурге в 1995 году, столько рабочих и крестьян? Выходит, диктатура пролетариата только на лозунгах, а в жизни все иначе? Били «нэпманов», всех «бывших», а заодно и «гегемона революции» – сам пролетариат.

На примере своей нелегкой жизни и судеб тех, с кем рос, учился и воевал, я хочу показать, как мое поколение стало таким, каким требовалось стране. А от других она избавлялась.

Вспомним: после революции на улицах Петрограда полно подрастающей молодой поросли. Она бегают, шумит, ворует, дерется и хулиганит, а в обществе – полнейшее смятение умов: кто-то ворчит, другие – негодуют, третьи – разочарованы, четвертые – затаились в злобе, пятые – все потеряли... Этим уже не переделаешь, это в массе – сложившиеся люди, их можно только давить и давить. А вот молодежь следует вылепить по образцу и сделать ее готовой жертвовать собой за освобождение трудящихся всех стран от ига капитала, ибо мы – самый справедливый общественный строй, первые на этом историческом пути – островок социализма в море хищного, агрессивного мира.

И страна сделала нас такими, какими требовалось. Как тут не восхититься мудростью партии, сумевшей справиться с этой сложнейшей задачей в короткий исторический срок, когда впереди была война?!.

На примере моей семьи берусь утверждать: не только партия приложила к этому руку, но и... мои родители. Из моих родных в 1918 году расстрелян дед (отец матери – Василий Иванович Комендантов, купец 2-й гильдии), а в 1937–1938 годах – два родных дяди (брат отца – Евгений и брат матери – Николай, бывшие офицерами-окопниками в Первую мировую войну). А меня все равно вырастили борцом за идеалы коммунизма. Сколько себя помню, отец и мать тщательнейшим образом скрывали от меня свое истинное отношение к Великому Октябрю либо действительно восприняли революцию сердцем и душой, как и многие российские интеллигенты того времени. За годы детства я при всем желании не могу припомнить ни единого раза, когда мои родители поругали советскую власть, выказывали ей недовольство, чем-либо

¹ О них детально повествуют издаваемые в Петербурге горестные сборники свидетельств несчастных людей о годах репрессий с 1918 по 1980-е годы под названием «Уроки гнева и любви» (составитель и редактор – Татьяна Тигонен). В 1990–1995 годах вышло семь сборников. – *Примеч. автора.*

возмутились. И вообще, на серьезные темы, за которые можно запросто «сесть», они ни со мной, ни при мне между собой не говорили. Чего не было – того не было.

Мои родители, трезво оценивавшие обстановку в городе и стране, просто избегали моего присутствия при подобных разговорах между собой. Они видели, не могли не видеть, как на их глазах наливался живительным соком еще один Павлик Морозов. Но в любом случае великое им спасибо. Если бы они по простоте душевной сызмальства вовлекли меня в оценку текущих событий вразрез с партийной пропагандой, то тогда моя жизнь сложилась бы по-другому. Будучи очень эмоциональным по натуре и не терпящим лжи и несправедливости, я оказался бы в стане «врагов народа», а так я до преклонного возраста свято верил во все то, чему меня учили в пионерии, комсомоле и партии. Я жил со страной, с большинством своего народа и был счастлив тем, что пути страны и мои пути не расходятся, как это бывало у других. Мы выросли такими, такими встретили войну – но об этом в повести.

И еще: с каждым годом, отдаляющим ныне живущих от тех страшных лет, особый интерес приобретают детали быта и жизни довоенной армии: питание, обмундирование, вооружение, взаимоотношения солдат со своими командирами, а также то, о чем мы думали в предвоенные годы, то, как встретили первый день войны. Такие щепетильные вопросы, как германский плен, нацистские тюрьмы и концлагеря, тоже ранее не могли освещаться с достаточной степенью достоверности.

Но тогда возникает вопрос: кто сейчас поверит тому, о чем думали тогда солдаты, – ведь прошло столько лет! Но я – один из них, и в моем архиве хранятся письма из армии к своей будущей жене: они написаны в тот самый «период трудных лет» – с 1939 по 1946 год (за исключением времени, когда я числился пропавшим без вести). Моя подруга сохранила письма, и наиболее характерные места из них нашли свое место в повести.

Повесть названа «Мы из сорок первого...». Мы – это те, кто погиб безымянным и не был захоронен, кто пропал без вести навсегда или сгинул в лагерях военнопленных и в концлагерях. Их следов не отыскать. В основном такая судьба была предначертана парням 1919–1922 годов рождения, составлявшим костяк рядового и сержантского состава довоенной кадровой армии. Из них вернулись с войны единицы, а павшие зывают к памяти.

Будем надеяться, что события тех лет найдут своих историков и исследователей, которым будет дано правдиво, объективно и без прикрас рассказать о том, как все было на самом деле.

Свидетельства и воспоминания еще живущих участников войны должны тому поспособствовать.

В том числе и мое свидетельство.

Глава первая На службе в РККА 1939–1941

Чернигов

1

22 июня 1939 года состоялся выпускной вечер в 11-й средней школе Петроградского района Ленинграда. Школа находилась на углу Большого проспекта и Пионерской улицы – напротив пожарной части. Этот день нам запомнился надолго. Нам – это бывшим ученикам четырех десятых классов. Мы прощались со школой и учителями.

Вечер был организован с теплотой и душевностью, выглядел торжественно. Все были нарядными, особенно девочки; был буфет с мороженым; была музыка, многие танцевали; мальчики ухаживали за девочками; кое-кто грешным делом сумел и выпить. Мы понимали, что школа позади, а впереди новая, никому не известная жизнь – жизнь еще не взрослых, но уже не детей. Какой она сложится у каждого из нас? Многие уже задумывались об этом, строили планы, о чем-то мечтали, объяснялись в любви. Было весело и неповторимо, но легкая грусть незаметно витала над нами, напоминая о том, что радость школьных дней ушла навсегда и сохранится на годы только в нашей памяти.

Незадолго до конца выпускного вечера мы с Ниночкой Граур сбежали и до утра гуляли по Малому проспекту: нам хотелось быть только вдвоем. Путь от Ждановской набережной – ее дома – до Бармалеевой улицы – моего дома – мы проделали за ночь несчетное количество раз. Белая ночь поддерживала возвышенное настроение, и нам было очень хорошо вместе.

Я познакомился с Ниной осенью 1937 года, когда был переведен из класса «восьмой-четвертый» в класс «девятый-третий». Перевели меня из-за плохого поведения, чтобы в этом новом классе, который составляли почти одни девочки, меня наконец исправили. Мальчиков вместе со мной было всего пятеро, а остальные незадолго до того ушли во вновь созданную артиллерийскую спецшколу, готовившую ребят в военные училища. Я же мечтал о море. Старостой класса и оказалась Ниночка Граур – властная, решительная, с твердым характером, но милая, добрая и отзывчивая девочка. Ее отец – кадровый военный – был родом из южной Бессарабии, как раз из тех мест, где мне позднее придется служить и воевать. Я звал ее «молдавочкой»...

Так случилось, что за 9-й класс я действительно поумнел, исправился и перестал представлять собой «темное пятно» на фоне очередного класса. Может, была в этом и заслуга Ниночки, а может, возраст повлиял – когда-то надо становиться человеком. Более того, за девятый класс мы с Ниной подружились, а в течение десятого – стали неразлучными друзьями. Так «барышня и хулиган» нашли друг друга. Часов, совместно проведенных в школе, нам стало не хватать, и после уроков мы до вечера гуляли по городу.

Нине часто надо было что-то найти и купить съестного для дома, а я случайно оказывался на ее пути, и мы вдвоем бродили по магазинам. Мы сполна ощутили всю радость общения друг с другом и осознали, что нам обоим хорошо только тогда, когда мы вместе. Мы ни от кого не скрывали наших более чем товарищеских отношений, и нас никто не пытался дразнить: девочки видели, что все это серьезно, наверное поняв даже раньше нас самих.

В ту июньскую ночь после выпускного вечера мы гуляли, взявшись за руки, и кто-то из нас двоих первым произнес заветную фразу:

– Как хорошо бы так рядышком пройти всю жизнь...

– Да, – ответил другой.

Этим все было сказано, и больше к этому вопросу мы никогда не возвращались. Родители Ниночки не беспокоились, что она всю ночь где-то пропадает: они знали, что она может быть только со мной, а я к тому времени пользовался их доверием. Только под утро мы разошлись по домам. Нелишне напомнить сегодняшнему читателю, что обниматься и целоваться «просто так» при серьезных отношениях не очень было принято в те годы. В противном случае мгновенно пропадала вся целомудренность и таинственность отношений. При этом легко было опошлить возникшее глубокое чувство, которое мы старались сохранить в чистоте и трепетно желали продлить, насколько удастся, святость и непорочность отношений, чтобы они не увяли, не обесцветились под приливом плотских вожделений. Мы берегли выстроенный в своем сознании лучистый мир детской радости, очень дорожил и всем этим, оберегали и боялись потерять то светлое, дорогое и единственно-неповторимое, что дарила нам жизнь. Мы непроизвольно продлевали всем этим свое затянувшееся детство и не хотели его терять. У нас не было цели стремиться к удовлетворению малопонятных желаний расцветающей юности, но мы твердо хотели обрести в каждом из нас такого друга на всю жизнь, которому можно будет верить больше, чем себе. А все разрушить можно было так легко: необдуманном движением руки, жестом, взглядом, словом – чем угодно... Но мы как сговорились: все у нас было ладно, а потому и сохранилось навсегда.

Такова была точка зрения обоих. Мы считали, что все придет в свое время, а торопить события ник чему. Скоро сама жизнь позаботится об этом.

Нина, окончившая школу с аттестатом отличницы, была автоматически зачислена студенткой первого курса географического факультета университета. Мне же, имевшему в аттестате «четверку» по химии, предстояло сдавать вступительные экзамены. Я подал документы на судоводительский факультет Института водного транспорта, но медкомиссия не пропустила по зрению, и мне предложили поступать на судомеханический факультет, что я и сделал. В результате июль ушел на подготовку к конкурсным экзаменам. В августе я их успешно выдержал, и меня зачислили студентом первого курса в группу С-11.

Казалось, впереди все безоблачно, но это было далеко не так.

В ту памятную ночь с 22-го на 23-е июня мы не просто беззаботно гуляли, наслаждаясь переполнявшим нас взаимным чувством веры друг в друга, надежды и любви, а на самом деле прощались перед долгой и страшной разлукой, о неотвратимости которой и не подозревали. Трудно было и предположить, что ожидало меня впереди. Может показаться странным, но я всегда неосознанно готовил себя к чему-то необычному. Примеров тому много.

Пример первый. В пору, когда мне было лет 12, я выкидывал такое: после школы, выбрав день с морозом, метелью и ветром, уезжал в Пулково только для того, чтобы обратный путь проделать пешком. На это уходило несколько часов. К вечеру я, усталый, вваливался домой с синим носом. Аппетит после того был отменный, но мама не ругала: она давно привыкла к моим чудачествам и считала, что мне виднее, что я должен делать. Но я-то еще сам не знал, что мне надо. Проверить себя? Возможно. Для чего? Наверное, так устроены все мальчишки.

Пример второй. В те же годы, увлекшись мечтой о море, придумал себе «тренаж кочегара» – назовем это так. Раздевшись до пояса, я вставал перед топившейся печкой и открывал дверцу настежь, чтобы меня обдавало жаром. В каждую руку брал по два чугунных утюга и точно воспроизводил движения кочегара морского судна при забросе угля в топку котла. При этом я уделял внимание поворотам и наклонам туловища с учетом обязательной качки. Это занятие продолжалось в буквальном смысле «до седьмого пота».

Я готовил себя к морю. Разве мог я тогда знать, что действительно буду служить на флоте именно старшим механиком – хозяином котлов и машин?

Пример третий. Любил обливаться холодной водой, закаляя организм. Бегал на длинные дистанции более 25 километров, проезжал на велосипеде до 150 километров в день. Это – до Луги.

Пример четвертый. Сдав экзамены в институт, на следующий день обратил внимание на большой плакат, висевший на здании института: «Товарищи студенты! Поможем Торговому порту!» Здание института примыкало к Главным воротам порта – все было рядом. Кончался август 1939 года, и, видать, рабочих рук не хватало. Мы сколотили бригаду и проработали в порту до начала занятий в институте. Порядок расчета с нами был простой: заработанные деньги выдавали в тот же день за выполненную норму, причем удавалось заработать за смену до 70 рублей на каждого. Это по тем временам были большие деньги: чайная колбаса стоила 80 копеек за 1 килограмм, ветчина и масло – 1 рубль 60 копеек, сахарный песок – 30 копеек.

Первые дни работали на разгрузке железнодорожных вагонов, прибывших с юга с тюками хлопкового семени. Эта работа считалась легкой. Труднее оказалось загружать солью открытые трюмы финских грузовых пароходов. Одни из нас ссыпали соль из тачек в трюм, а другие, раздетые до трусов из-за жары, разравнивали ее лопатами. Я выбрал трюм, обливался потом, каждая ссадинка на теле давала себя знать, когда на нее попадала соль – мы были белыми от нее. Финские матросы, думая, что мы «ишачим» с голодухи, предлагали нам хлеб, но мы, не задумываясь о нормах международного этикета, показывали им такие понятные на всех языках мира жесты, что они в ужасе отскакивали, принимая нас за «гопников», но никак не за студентов. Закончив работу, мы тут же купались, получали расчет и разъезжались по домам. Спрашивается: зачем мне, сыну вполне обеспеченных родителей, нужны были тяготы полукаторжного труда? Если требовались мне деньги на «карманные расходы», то мог попросить – родители никогда не отказывали. В чем же дело? По-видимому, все то же: проверка силы воли и физических возможностей. Не мог же я чувствовать наперед, что меня ожидало? Проработав с неделю, мы расстались с портом, дабы подготовиться к занятиям и купить тетради, чертежные принадлежности и другие, необходимые для учебы вещи.

Пока мы трудились в порту, многое произошло в стране и в мире, что определило судьбы народов на весь обозримый последующий период.

19 августа в Москве состоялось сверхсекретное заседание Политбюро, о котором Дмитрий Антонович Волкогонов расскажет только 16 января 1993 года в газете «Известия». А Виктор Суворов, автор книг «Ледокол» и «День-М» (1993 и 1994 годы соответственно), утверждает, что в тот день на заседании Политбюро было принято решение начать освобождение Европы от фашизма военным путем не позднее лета 1941 года. Все последующие действия Советского правительства в 1939–1941 годах, по Суворову, будут полностью направлены на подготовку удара по фашистской Германии. <...>

20 августа мало кому известный комкор Г. К. Жуков начал блистательную операцию по разгрому 6-й японской армии на реке Халхин-Гол в братской Монголии, а 23 августа в Москве был подписан Договор о ненападении между Германией и СССР, получивший название «пакт Молотова-Риббентропа».

В нем были определены сферы государственных интересов обеих сторон, то есть попросту поделена Европа. Поскольку пакт был заключен сразу же после бесплодных переговоров в Москве с военными делегациями Англии и Франции, то все сочли пакт фикцией, полагая, что это вынужденный шаг с целью наказать Англию и Францию за несговорчивость. Но мы ошибались: пакт был глубоко продуман хитрым Сталиным, на этот раз ловко обдурившим Гитлера. В результате Германия опять получит войну на два фронта, как в 1914 году.

1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу, а мы впервые сели за студенческие парты и были заморожены вводной лекцией доцента Пурышева². Он очень живо,

² Возможно, имеется в виду М. М. Пурышев, преподававший также и в Ленинградском кораблестроительном институте.

популярно и увлекательно преподнес нам историю борьбы пароходных компаний мира за своеобразный приз – «Голубая лента Атлантики». Мы были восхищены услышанным и сразу почувствовали себя настоящими моряками. Увы: нас ожидали отнюдь не морские дороги.

В этот же день мы узнали, что 4-я внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о всеобщей воинской обязанности»³, который непосредственно коснулся и нас, только что ставших студентами.

До 1939 года всеобщей воинской обязанности в нашей стране не было. В армию призывали выборочно. Призывной возраст составлял 21 год.

По новому закону каждый юноша обязан был служить в армии, а призывной возраст снижен до 19 лет. Кроме того, для окончивших десять классов средней школы призывной возраст устанавливался 18 лет, и нам сперва надлежало отслужить в армии положенный срок и только после этого учиться в институте. Во исполнение принятого Закона осенью 1939 года ушли служить парни 1918–1920 годов рождения, а также и мы, 1921 года рождения, окончившие 10 классов и достигшие 18-летнего возраста. Все это обсуждению не подлежало. Можно было только представить себе, насколько за короткий срок увеличит свои ряды армия.

Уже на следующий день, 2 сентября, мы проходили призывную комиссию Кировского райвоенкомата, работавшую во Дворце моряков. Всех определили в стрелковую полковую школу, любезно пояснив, что пока Военно-морскому флоту столько призывников не требуется. Не успев начать учиться, мы вынуждены были оставить институт. Правда, нас утешили: «Ваши документы сохраним, и когда отслужите, – осенью 1941 года – ждем вас обратно в институт». Что такое «два года» в 18 лет? Чепуха! Никто из нас и не переживал: отслужим и вернемся. Любовь тоже подождет: крепче станет!

Эх, юность, юность!

Тем временем 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Тучи на мировом небосклоне сгущались. Позднее историки назовут этот день началом Второй мировой войны. Люди тогда еще так не считали, а мы, молодые, вообще находили, что объявленная война где-то очень далеко, нас не затрагивает, хотя рядом, в соседней Польше, уже умирали польские солдаты, пытаясь сдерживать натиск нацистов...

Ребята в институте появляться не стали, ожидая отправки в часть. Я же получил повестку, обозначающую, что оставлен «до особого распоряжения», поскольку мне недоставало целых четырех месяцев до 18-летия⁴. Это худо: чем же заняться? Проболтавшись без дела какое-то время, я узнал, что в институте, потерявшем в один день всех своих первокурсников, открыт набор на «второй поток»: это приглашались на учебу девочки, не прошедшие по конкурсу, а также ребята 1922 года рождения, которым еще рано идти в армию. Вскоре «поток» заработал, и я снова приступил к учебе.

17 сентября Красная армия перешла польскую границу, чтобы протянуть «руку братской помощи», как тогда говорилось, нашим братьям – западным украинцам и белорусам. Мы привыкли к таким скоротечным локальным конфликтам и воспринимали их спокойно: раз Сталин считает это нужным, значит – так и надо!

Неожиданно меня вызвали еще на одну призывную комиссию. Теперь – по месту жительства через Петроградский райвоенкомат. Даже показалось любопытно: вдруг на этот раз на флот попаду? Призыв проходил в Доме культуры имени Ленсовета на Кировском проспекте.

³ Согласно этому закону, срок службы в армии продлен до 3 лет, во флоте, до 5 лет. В авиации и пограничных войсках – до 4 лет. Закон 1939 года отменил действовавшие до этого ограничения на призыв в армию по классовому признаку (одна ко в военные училища по-прежнему принимали только детей рабочих и крестьян). От призыва освобождались учащиеся институтов и техникумов, проходившие военную подготовку в учебных заведениях. Выпускникам техникумов присваивалось звание лейтенант, а выпускникам институтов – капитан; все они зачислялись в запас. Фактически этот Закон означал проведение скрытой мобилизации. В армию были призваны запасники младших возрастов и почти все командиры запаса.

⁴ Д. М. Левинский родился 31 декабря 1921 года.

Итог был поразителен: меня признали негодным к военной службе по зрению и выдали «белый билет». Я растерялся, не ожидая такого исхода. Теперь мне оставалось продолжать учебу в преддверии первой экзаменационной сессии. Я перестал думать об армии и даже записался в секцию борьбы вольного стиля при спортобществе «Водник». Мы занимались по вечерам в ДК моряков.

У меня стало что-то получаться, скоро должны были присвоить спортивный разряд, я уже был включен в состав сборной института на городские соревнования, которые планировалось провести 17 декабря на улице Софьи Перовской. В институте я учился охотно: прилежно чертил сложнейшие эпюры по начертательной геометрии и осваивал основы технического черчения. Нина тоже успешно занималась в университете. О завтрашнем дне мы не думали, оба были заняты «по горло», так как учеба в вузе отличалась от школьной, если, конечно, хочешь учиться, а не «валять дурака».

30 ноября внезапно началась «война с белофиннами», так ее тогда называли, и я сразу получил повестку на отправку в часть. Я знал, что рано или поздно уехать придется, неопределенность положения изрядно надоела, и я горевать не стал. Ехать так ехать! Сборы просты и задача одна: надеть на себя все, что похуже. Это не сложно: «получше» отсутствовало, и можно ехать в своей повседневной одежде.

2

Последние дни пролетели незаметно. Вот и 8 декабря. В тот день моя жизнь круто изменилась. Я надолго покинул свой город, свою любовь, всех родных и близких. Потом доведется свидеться далеко не со всеми: многих не будет в живых.

<...>

Мне вспоминаются проводы тех далеких дней. Никому и в голову не могло прийти уклоняться от службы в армии. Мы отлично знали, что впереди – схватка с фашизмом. У всех еще жила горечь и боль от недавнего поражения республиканской Испании и «чесались руки» наказать Гитлера.

Иногда становится обидно от мысли, что мои проводы в 1939 году выглядели настолько буднично и прозаично, словно их и не было. Утром, уходя на работу, отец только произнес:

– Ну, служи! Писать не забывай... – и исчез за дверью. Он меня очень любил, но к нежностям не был расположен. Да и сколько можно было меня провожать? Практически с сентября по декабрь я все время «уезжал», оставаясь в Ленинграде. Родители успели привыкнуть к постоянным «вот-вот», «не сегодня-завтра». Уехала и моя тетушка Анна Ивановна служить в действующую армию на севере Карелии в районе города Кемь. Ее призвали сразу по окончании 1-го Ленинградского мединститута. Призвали двоюродного брата Юрку 1916 года рождения, имевшего отсрочку от призыва.

На очереди был другой двоюродный брат – Леша. Он 1922 года рождения, и ему идти в армию в следующем – 1940 году. Выходило все нормально – ни к чему волноваться.

Быть может, отец, никогда не служивший в армии, будучи единственным кормильцем многодетной семьи, оставшейся после смерти моего деда в 1902 году, плохо представлял себе военную службу? Но у него было столько приятелей среди военных, особенно офицеров Первой мировой войны, да и потом пятеро его родных братьев в разное время служили в армии: одни – в старой, а другие – в новой. А может, отец думал, что пока нас, молодых, обучат, финская война закончится? Не знаю, но ни объятий, ни поцелуев не было. Отец вообще не был склонен к подобному. Я не припоминаю, целовал ли он меня когда-нибудь. Мама – наверное, целовала, но и этого не помню. Правда, я какое-то время отбилась от дома, хулиганил в школе и во дворе. Родители махнули на меня рукой, занятые исключительно добыванием денег. Отец – всю жизнь на двух работах, мать – с утра до вечера за пишущей машинкой. Они не были сен-

тиментальными людьми, которые могли «сюсюкать» по поводу и без повода над своим единственным чадом. Потому я не находил ничего предосудительного в их действиях. Это сейчас – на склоне лет – кажется странным, а тогда все представлялось естественным. Я оставался мальчишкой, которому не свойственно было анализировать, чем руководствовались родители...

После ухода отца я поспешил к Нине. Мне следовало прибыть на сборный пункт к 12 часам дня, и время для прощания с Ниной у меня оставалось. Погода в то утро стояла сухая, почти бесснежная, с легким морозцем.

На Нине, как всегда, был любимый мной беличий полушубок серого цвета и белый пуховый берет. На мне – старенькое демисезонное пальто: новенького я не имел. На голове – мечта каждого ленинградского мальчишки – морская фуражка с «крабом», на котором в первый и в последний раз гордо красовался красный флажок Совторгфлота. Он и сейчас хранится дома в коробочке, как память тех далеких дней и несбывшихся надежд.

Ниночка в тот день не пошла на занятия в университет, и мы гуляли по городу. Я прощался не только с Ниной, но заодно с Петроградской стороной и Васильевским островом. Нина рассовала мне по карманам плитки шоколада в дорогу, а я угощал ее им же. Так, сладостью шоколада, мы пытались уменьшить горечь предстоящей разлуки, тем более что всего-то на два года!

Простились тепло и дружески. Обещали друг другу писать. Напоследок Нина уверенно произнесла:

– Служи спокойно, Димок. Я буду ждать тебя столько, сколько потребуется. Не забывай меня, пиши... – В ту минуту она не могла знать, что ей предстоит сверхчеловеческая задача – прождать своего суженого целых семь лет, но она была готова с честью справиться с тяжелым испытанием.

А я если останусь жив, то хотел ответить ей тем же. Это было единственное, что мы тогда твердо знали: мы бесконечно верим друг другу иждеждемся встречи, чего бы это ни стоило. Но об этом – впереди. Впоследствии Нина признавалась в письмах, что тогда она не очень поверила моим обещаниям часто писать ей: «Все обещают, а писать ленятся». Можно подумать, что она не раз провожала мальчишков в армию.

Расстались около ее дома, и я поехал на трамвае за чемоданом. Мама была давно одета и волновалась, что я могу опоздать. Она пошла проводить меня до остановки на углу улицы Ленина и Большого проспекта. Подошел трамвай № 8. Мама, всплакнув, поцеловала меня, и я уехал, не ощутив всю значимость момента: я оставил отчий дом, оставил родителей и впервые отправился один неизвестно куда, теперь мне предстояло самостоятельно барахтаться в волнах житейского моря – родительской опоры рядом не будет, а мне еще нет и 18 лет, я еще маленький.

Сегодня считаю, что отнимать единственного сына у немолодых родителей, которым перевалило за пятьдесят, жестоко. Каково им будет в опустевшей квартире свой век доживать? Они станут ежеминутно заглядывать в почтовый ящик, но их любящий сын на пять писем девушке отправит лишь одно в адрес родителей. Наверное, так было всегда... А что касается единственного сына, то Сталин, преследуя возвышенную цель – построение коммунизма, – никогда не задумывался о благополучии отдельной советской семьи: причем тут семья, когда пролетариат взялся перевернуть мир вверх ногами во имя общего счастья, но не каждого в отдельности. А ведь до революции царь не призывал в армию единственных сыновей⁵. Доживем ли мы до этого?..

⁵ В 1874 году вместо рекрутской обязанности, просуществовавшей почти два века, была введена всеобщая воинская обязанность. Призыву в армию подлежали все молодые мужчины, которым к 1 января исполнилось 20 лет. Призыв начинался в ноябре каждого года. От солдатской службы освобождались священники, медики и давалась отсрочка до 28 лет лицам, проходящим обучение в учебных заведениях. Количество подлежащих призыву в те годы намного превышало потребности армии, и поэтому все, кто не попадал под освобождение от службы, тянули жребий. Шли служить те, кому выпал жребий (примерно

В трамвае на меня произвела неизгладимое впечатление сцена из невеселых: на задней площадке, где я стоял, молодая женщина в слезах буквально повисла на шее мужчины в морском бушлате. По-видимому, ее муж, как и я, ехал на сборный пункт мобилизованных, а попросту – на войну, которую тогда никто всерьез не воспринимал, но она уже была рядом. Оглядевшись вокруг, я заметил, что в трамвае ехало много мобилизованных, в основном 1910–1915 годов рождения. Всех провожали жены с заплаканными глазами. Мне не забыть выражения глаз женщины, стоявшей рядом: она оплакивала мужа так, словно уже его потеряла. Он не успокаивал ее: видно, его одолевали такие же мрачные мысли.

Горе моих случайных попутчиков было настолько безысходным, что я невольно почувствовал разницу между собой, призывником, которого отняли у родителей на конкретный срок службы, и ими, мобилизованными, оторванными от семьи на неопределенный срок, а главное – прямо на войну. Потому, как они держались, не было сомнения в том, что на благополучный исход мало кто надеется, и все в мыслях давно приготовились к худшему.

Когда мальчишки играют в войну, они никогда не плачут. В том возрасте война представляется им азартным, героическим, чуть ли не радостным занятием. Они далеки от мысли, что любая настоящая война – большая или малая – несет горе многим семьям, потерю любимых людей. Разве мальчишкам до того? И я был не лучше их, не ощущая никакой тревоги: победно закончились бои у озера Хасан в прошлом году и на реке Халхин-Гол совсем недавно, начавшаяся финская война пока была далеко и не ощущалась зримо в ближнем тылу, каким был Ленинград. Закончится благополучно и эта война. А как же иначе? Всегда так было и всегда так будет! Иначе быть не должно!..

Сборный пункт – на площади Стачек. В военкомате – полно отъезжающих. Предъявляя повестку принимавшему нас майору, я одновременно протянул ему и «белый билет», робко спросив:

– А что делать с этим?

Майор, едва взглянув на сей драгоценный документ, невозмутимо порвал его и небрежно бросил в урну:

– Следующий!..

Так я снова стал годным к строевой службе. Я не суеверный человек, но нетрудно представить себе, – не тогда, конечно, а сейчас, – что могло ожидать меня в Ленинграде в положении «белобилетника», если отбросить моральный ущерб: «Как это я не гожусь в армию?» Этого я принять не мог – а что скажут девушки? Я склонен полагать, что майор, не думая в тот момент ни о чем, кроме выполнения плана по отправке призывников в часть, в конечном счете невольно поступил с документом в моих интересах: в результате к началу большой войны я стал достаточно опытным солдатом, сержантом, младшим лейтенантом, наконец, и смог постоять и за себя, и за людей...

Мы распрощались со своими гражданскими космами, после чего нас накормили вкусным обедом. Помню, на второе подали гуся с тушеной капустой. Я набросился на обед, так как дома поесть не успел, а до того с Ниной нажевался шоколада, но он горячий обед не заменит. Почему это так врезалось в память? Разве я голодал? Скорей всего, вечно не хватало времени поесть нормально: все происходило набегу. Дома почти всегда был обед. Не мог же я тогда предположить, сколько лет мне придется прожить в постоянном недоедании, считай – в голоде.

Под вечер двинулись колонной на Витебскую товарную станцию. Эшелон теплушек ушел только к ночи.

3

Обстановка в поезде была тяжелой: все смирились стем, что в жизнь каждого из нас ворвалось что-то новое, незнакомое, тревожное.

Все подспудно понимали, что уехать намного проще, чем потом вернуться: отныне мы себе не принадлежали. Одни из нас без конца глушили припасенную водку, другие – горланили песни, а третьи – лежали пластом, уткнувшись носами в чемоданы, наедине со своими думами, как и я.

Переезд в теплушках не выглядел светло и радостно: вагоны – грязные; нары – жесткие, вонючие; болталась над головой закопченная керосиновая лампа; напоминала о себе параша; стоял сплошной гул пьяных голосов и мат. Знакомых пока никого не было. Среди нас были рабочие, студенты, вчерашние школьники. Мы все были разные и каждый – сам по себе, но вскоре нелегкая солдатская служба объединит нас в сплоченный воинский коллектив.

Осталась в памяти песня, которую пел вагон. Это была одна из ходивших по Питеру блатных песенок двадцатых годов. Приведу пару куплетов, не ручаясь за подлинность текста:

...Лети ты, поезд, по оврагам и горам,
Летит он неведомо куда.
Я, мальчик, назвался бандитом и вором,
Я с жизнью простился навсегда!

Лети ты, поезд. Прости, Анята.
Кондуктор, нажми на тормоза:
Я матери родной в последнюю минуту
Хочу показаться на глаза...

Эту песню обычно напевали вполголоса, тренькая на гитаре, а в хоровом исполнении истошными голосами пятидесяти молодых здоровых глоток никогда слышать не доводилось. Это была не песня, а многоголосый рев.

Песня гремела на путях, заглушала шум летящего в ночи эшелона, заглушала удары колес на стыках рельсов, стук от непрерывных толчков вагонных сцепок и даже паровозные гудки. Она рвалась из вагона на простор ночи. В эту песню завтрашние солдаты, которые вовсе не были «бандитами и ворами», вкладывали все, что связывало их с родным городом. Этой над-рывной песней они прощались с Ленинградом и всей прежней жизнью.

Странно, но за всю дорогу других песен наш вагон не пел. Эта блатная песня окажется деланным мусором, показной шелухой, которые быстро слетят с молодых парней: они в самое короткое время станут заправскими солдатами, сержантами, лейтенантами – скоро их будет не узнать, и они будут петь совсем другие – строевые – песни. Сталин знает, что делает! В 1941 году именно эти парни заслонят страну от фашистских орд и примут на себя первый удар врага. Они почти все погибнут, мало кто останется в живых. Так будет угодно Всевышнему, и песня продолжала звучать, пробуждая в душе смутное предчувствие этой тяжелой и трагической судьбы. Даже слова песни: «поезд летит неведомо куда», «я с жизнью простился навсегда», «я матери родной в последнюю ми нуту хочу показаться на глаза», – если вдуматься поглубже, начинают звучать совсем по-другому, обретая свой зловещий смысл. Надо же было кому-то выбрать именно такую песню!

Мы тогда и не предполагали, что нас ожидает впереди жестокая и долгая война; что будет блокада Ленинграда; что враг дойдет до Волги и оккупирует огромную территорию; что

с войны вернутся 2–3 человека из 100⁶ и далеко не все найдут своих близких живыми и здоровыми. Об этом мы не думали и никакого понятия о возможных перипетиях военной службы не имели. В противном случае пили бы водку и пели песни все поголовно, а не через одного. Мне очень повезло: я попал в эти 2–3 человека и вернулся, пройдя невероятные испытания, хотя знаю, что на фронте было несравненно тяжелее...

Поезд останавливался на всех узловых станциях, где каждый находил себе дело. Я сумел с дороги отправить Нине три открытки – из Дно, Витебска и Гомеля. Почтовые ящики отыскивал с трудом, поскольку эшелон предусмотрительно останавливали на дальних запасных путях. Каждый такой «забег» я рисковал не найти свой эшелон или опоздать к его отходу: ночью все эшелоны похожи, а вагоны – тем более. В то самое время ребята сбивали пломбы и замки с других вагонов, стоявших на путях; находили в них водку; тащили ящики с консервами, с печеньем, на бегу крича:

– Нас не догонишь!..

Пьянка, песни, мат в вагонах не прекращались. И так – всю дорогу.

4

В ночь с 10 на 11 декабря прибыли в Чернигов. Этой же ночью нас ожидали баня и солдатское обмундирование. Пьянки кончились – ребята сразу стали серьезнее. Когда мы, одевшись, посмотрели друг на друга, то не могли узнать – кто из нас кто? Мы и не подозревали, что волосы придают человеку такой индивидуальный колорит. Мы все стали на одно лицо, но пройдет парадней, и мы без труда разберемся друг в друге.

По пути в военный городок с интересом читали городские вывески на украинской мове, например – «Перукарня». Думали, что это пекарня, а оказалось – парикмахерская.

Нам предстояло пройти недолгий карантин в 236-м запасном стрелковом полку Киевского особого военного округа. Моя рота – 2-я пулеметная. Дома по сей день хранятся конверты, посланные Нине из Чернигова с совершенно четким адресом: «УССР, Черниговская область, город Чернигов, 236-й запасный стрелковый полк, 2-я пулеметная рота». Хотелось крикнуть: «Разведчики всех стран – не теряйтесь!» К концу года эта «лавочка» закроется, и будут введены полевые почты⁷. А пока, пожалуйста – информация открыта.

На второй день пребывания в Чернигове я сообщаю Нине в письме от 12 декабря: «... кормят здорово, но однообразно: щи, каша, хлеб, сахар, чай. Черт его знает, а настроение хорошее, если не больше».

В чем дело? Насчет хорошего настроения не понятно: маменькина сыночка оторвали от родителей, бросили в запасный пехотный полк, намотали на ноги двухметровые обмотки, неизвестно что его ожидает, а он радуется. Уж не «того ли» он? Нет – все гораздо проще: еда – хорошая; товарищи по роте – лучше не бывает; командиры – тоже; сам – молодой и здоровый. Чего еще желать? Да, забыл: девушка еще любит...

А что касается питания, то оно для солдата, особенно для молодого растущего организма, дело первостатейное. Так, как нас кормили первый месяц в Чернигове, больше не кормили

⁶ Согласно официальным данным, всего за годы войны в подразделениях армии и флота, других военизированных ведомств, а также в трудовых батальонах в промышленности перебивало 34,5 млн. чел. В то же время безвозвратные потери военнослужащих списочного состава в годы Второй мировой войны составили 8,7 млн. чел., а с учетом призванных, но не успевших принять военную присягу – 9,2 млн. чел. (Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование/ Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 247–248). Таким образом, с войны не вернулся практически каждый 4-й мобилизованный в армию гражданин.

⁷ Для обеспечения почтовой связью действующей армии Наркоматсвязи СССР создал систему военно-полевой почты во главе с Центральным управлением полевой связи. Народный комиссар связи СССР И. Т. Пересыпкин был назначен заместителем Наркома обороны и начальником Главного Управления связи Красной Армии по совместительству. В декабре 1941 года в армии началось создание Управления военно-полевых почт. Органы военной связи при армиях развернули военно-полевые почтовые базы, а при штабах входящих соединений – полевые почтовые станции.

нигде и никогда: борщ был мясной, наваристый, густой, одним словом, настоящий украинский борщ; на второе – куски мяса с кашей; на третье – кисель или компот; хлеба на столах – сколько съедим, он не нормировался; добавки было вдоволь, пока не наедемся. Я не припоминаю, чтобы дома в последние годы бывали такие полноценные обеды. Стыдно вспоминать, но братва за столом кидалась хлебом.

Интересно и другое: молодые ребята, призванные из республик Средней Азии, не ели свинину, но – недолго. Они говорили:

– Моя чушка не кушай, Коран не позволяй. – Мы с удовольствием поглощали за них жирные куски. Но, увы – вскоре Коран стал прощать им этот грех, и они не отставали от нас.

Зимой 1939/40 года СССР увеличил армию в 2,5 раза, в том числе за счет нас, окончивших среднюю школу. А тут еще и мобилизация в трех пограничных военных округах – Ленинградском, Белорусском и Киевском. Потребовалось накормить столько лишних молодых ртов! Финская война еще была в начальной стадии и не успела повлиять на продовольственные возможности южных военных округов – Киевского, Харьковского и Одесского, – но скоро положение изменилось. И еще до того, как оно изменилось, уже через месяц, уходя из столовой, мы стали набивать карманы хлебом на день про запас, и им больше никто не кидался: постепенно мы втянулись в режим.

Что мы тогда носили? Письмо от 13 декабря характеризует наше обмундирование: «На каждом шагу дают себя знать мелочи, о которых не позаботилось начальство: разные ботинки (один длиннее), отсутствие шнурков (ищи, где хочешь), ужасные шинели...»

Все так и было. Как мы хохотали, когда рядом вставали высокий Саша Белостоцкий в шинели выше колен и невысокий Жора Бурцев в шинели до пят! К тому – нижняя кромка шинели выглядела у них так, словно ее отъели собаки. Но такое положение продлилось недолго, и к концу декабря каждый сумел подобрать себе шинель по росту и по размеру.

На голове напоминала о легендарном прошлом Красной армии буденовка времен Гражданской войны. В моем альбоме хранится черниговское фото, где я снят в первые дни армейской службы. Носили шинель и все остальное, что положено, в том числе ботинки и совершенно новый для нас элемент – чудо-обмотки двухметровой длины. К ним мы привыкли нескоро: слабо обмотаешь ногу – весь взвод на ходу с хохотом наступает на разматывшийся конец, хлопот не оберешься; туго замотаешь – нога вспухнет, ступать больно. Ничего, научились носить и обмотки. Вскоре многие из нас предпочли обмоткам краги, и я в том числе – мне они пришлись по нраву: быстро надеваются, ногу облегают свободно, а ремешки сами не расстегиваются.

Наше снаряжение, с которым расставались только ночью, если спали в казарме, состояло из заплечного ранца на ремнях, противогаза, саперной лопатки, фляги и двух подсумков для патронов. К этому вскоре добавились плащ-палатка и каска с подшлемником. Оружие – не в счет.

Первое время режим дня на карантине был более чем щадящий: занятия только до обеда. В основном – изучение материальной части оружия пулеметной роты: станковый пулемет «Максим», трехлинейная винтовка Мосина образца 1891 года, пистолет ТТ.

Занимались и строевой подготовкой, частыми были политзанятия и политинформации. После обеда валялись на койках и травили анекдоты. Занятия в поле проводились только до 15 градусов мороза, а если температура опускалась ниже – занимались в казарме. Вскоре и этот распорядок изменился.

На четвертый день пребывания в Чернигове рота получила боевое оружие, и мы в первый раз вышли на стрельбище.

На карантине близко познакомился с двумя, как и я, несостоявшимися студентами. Я спал с ними рядом. Это были: Геннадий Травников из Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТа) и Алексей Токмачев из Ленинградского корабле-

строительного института (ЛКИ). Травников был племянником известного академика Щербы⁸, и с Геной мы прослужим вместе год.

Мы быстро научились ходить в строю, да еще с заливистой песней и со свистом. Запевал всегда Митя Колобов. Мы были ленинградцами и старались держать «марку» в военном городке.

В первой шеренге взвода шли четыре командира отделения – немолодые командиры запаса, недавно мобилизованные. Их личное оружие – пистолеты ТТ. (Я и в дальнейшем буду уделять внимание вооружению частей, в которых мне доведется служить). Во второй шеренге шагали четыре первых номера пулеметных расчетов взвода, и в их числе Гена Травников. Каждый нес на плече кожух пулемета весом 16 килограмм. Личное оружие – те же пистолеты ТТ. В третьей шеренге взвода – вторые номера пулеметных расчетов: Митя Колобов, Сережа Никитин, Саша Скворцов и я. Каждый из нас нес самую тяжелую часть пулемета – станок весом 32 килограмма – и личное оружие – пистолет ТТ. Не припомню, как я вошел в эту славную когорту «тяжеловесов». По-видимому, вызвался сам: здоровье позволяло носить тяжести.

Мы с Травниковым составляли один бессменный пулеметный расчет в течение почти всего 1940 года. Первый номер вел огонь, а второй номер следил за прохождением пулеметной ленты, устранял ее перекосы, вставлял новую и в любой момент был готов заменить товарища.

Станок пулемета самому не поднять, не надеть и не снять. Одевали и снимали станок специально выделенные бойцы отделения. Они заводили нам станок через голову так, чтобы рукоять оказывалась на груди, а катки и станина – сзади: они ложились на ранец. Мы, вторые номера, имели преимущество перед остальными бойцами взвода: наши руки всегда были свободны, и мы в любой момент могли скрутить себе сигарку, что не удавалось сделать на марше другим, поскольку они несли винтовки и коробки с пулеметными лентами. Первый из подносчиков патронов, следовавший за нами в четвертой шеренге, нес не коробку с лентами, а щиток пулемета весом 8 килограмм. Таким образом, у всех, кроме вторых номеров, руки были заняты, и нам приходилось скручивать сигарки почти всему взводу, благо махорка не была в дефиците.

В «тяжеловесах» я прошагал весь первый год службы (пока не стал командиром отделения) и никаких неудобств, кроме повышенного аппетита, не испытывал. Правда, ребята подшучивали, что расти перестану. Путь следования на марше мы не выбирали: идти с пулеметами на плечах приходилось и в гору и с горы, через канавы и по колено в снегу, по лесу и по болоту, по пашне – одним словом – пехота! Были и льготы: вторые номера освобождались от несения нарядов, чем мы очень дорожили. К гарнизонным нарядам это положение не относилось.

Мы понемногу постигали солдатские премудрости, предусмотренные уставом: разобрать и собрать затвор винтовки за 7–9 секунд, а затвор пулемета – за 35 секунд. Стрелять все стали сразу хорошо: до армии оружие не раз бывало в наших руках. Я, к примеру, в школе являлся завсегдаем стрелкового кружка и постоянно пропадал в тире: мы с Ниной входили в состав школьной команды на районных стрелковых соревнованиях. Нина очень метко стреляла, а я имел охотничье ружье – тульскую двустволку 16-го калибра, да еще на бездымный порох, что тогда было редкостью, и мне удавалось бить тетеревов в лёт.

Мы спокойно относились к таким неудобствам нашего быта, как отсутствие воды, – пили только в 7.30 утра и в 9.30 вечера; не умывались от бани до бани (дней 20!); в казарме не было света; печь топилась раз в неделю; мы мерзли, так как одеты были по-летнему – без теплого нижнего белья. Но мы были молодыми, а наши запросы – более чем скромными. Кроме того, мы являлись солдатами первого в мире социалистического государства, у которого еще

⁸ Щерба Лев Владимирович (1880–1944) – академик, известный языковед, основатель Фонетической лаборатории при Санкт-Петербургском университете.

многого не хватало, и это государство стремились уничтожить хищные акулы империализма, а потому главное – метко стрелять, а умываться можно и снегом!

Большинство из нас во время призыва получило назначение в стрелковые полковые школы, но опоздали: набор был закончен в сентябре-октябре. К тому же стало известно, что школы комплектовались в основном из тех, кто имел за плечами неполное среднее образование, а десятиклассники оттуда бегут: их не устраивает пониженный уровень подготовки. Многие еще в декабре ушли на ускоренные курсы младших лейтенантов. Среди них Сергей Виноградов и Токмачев – оба стройные, складные, будто военная служба была их предназначением, ушли и другие. Кое-кто подался в военные училища, и я не придумал ничего лучшего, как послать заявление о приеме в Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского. Ответ из училища пришел в Чернигов незамедлительно: «Набор закончен. Обратитесь по команде в следующем году». Стало ясно, что, пока служу в пехоте, не представляю интереса для Военно-морского флота. Надо было думать об этом раньше, а то пожелал Сингапур посмотреть и в Сиднее побывать...

5

Насколько мы были информированы о международном положении и о ситуации в стране?

В письме от 12 декабря – на второй день службы в полку! – я Нине сообщил: «Наш карантин будет очень недолгим ввиду международной обстановки (Румыния). После двух месяцев подготовки мы будем отправлены... на румынскую границу». Дело в том, что тяготы финской войны себя еще не проявили, и командование южных военных округов надеялось на скорую победу там, на севере, а потому решило готовить нас не на финскую войну, а на запланированное свыше освобождение Бессарабии.

Как тут не вспомнить упомянутую ранее книгу В. Суворова «Ледокол», в которой обстоятельно излагаются планы командования Красной армии, а точнее – Политбюро, предполагавшие не только возвращение Бессарабии, а главным образом захват нефтяных промыслов в Плоешти, что снабжали нефтью германскую военную машину.

Что же это за планы, если их раскрывают молодым солдатам, только что одевшим гимнастерки? Справедливости ради следует заметить, что слово «Плоешти» никем не произносилось. Узнав о готовящемся ударе по Румынии, мы были готовы к тому, чтобы после Бессарабии идти дальше, а до каких пор – нам все равно: куда прикажут. Почему так? А потому, что фашизм еще со времени боев в Испании так всем осточертел, что мы, не начавшие толком служить, рвались в бой против Германии.

И еще из письма Нине от 16 декабря: «Вечером было общее собрание трех батальонов – есть кое-что новое в сообщении комиссара – писать не буду...» Все же «конспирацию» приходилось соблюдать. Не написал об этом в письме – таки не знаю, что имел в виду комиссар полка, но готовили нас к схватке основательно с первого дня службы, чтобы «мозги не закисло!»

О собраниях говорилось и в письме от 25 декабря: «Сейчас пришел с комсомольского собрания – оно шло больше пяти часов...» Сейчас трудно предположить, о чем можно было столько времени говорить, если к тому же учесть сказанное мной ранее в письме от 16 декабря: «У нас отменили все комсомольские собрания вплоть до особого распоряжения, вставать на учет не надо, и личные дела оставить у себя – выводы из этого можешь сделать сама...»

Как видно, решения менялись непрерывно из-за обстановки на севере, осложнявшейся с каждым днем. И еще о «конспирации». В письме от 22 декабря нашли свое место следующие перлы: «Я очень и очень рад, что Юрка так дружит с Тасей Игнатьевой (речь идет о наш их одноклассниках. – Д. Л), только Юрку надо держать в ежовых рукавицах образца 1938 года или в рукавицах „Берия" образца 1939 года...» Когда после войны, возвратившись домой, увидел у Нины эти ужасные строчки, давно позабытые, нам обоим стало и смешно, и страшно

задним числом: как смог такое написать? По-видимому, спасло то, что в Чернигове я никогда не отправлял письма через штаб полка, а лазал через забор и опускал в городской почтовый ящик, висевший на вокзале, – так они быстрее доходили до Ленинграда. Добавить тут нечего, но Берия меня прозевал...

Занятия в полку шли своим чередом, а я между делом укреплял здоровье: утром, после обязательной зарядки, всегда обтирался до пояса снегом в любой мороз, а на марше с охотой ел чистый снег вместо воды, когда хотелось пить. Увы, все это скоро мне пригодится.

В середине декабря приняли военную присягу, а 24 декабря полк участвовал в выборах в Верховный Совет СССР, причем мое участие являлось незаконным, как и служба в армии весь этот месяц, поскольку мне еще не исполнилось заветных 18 лет!

Все же в интересное время мы жили тогда: фамилия кандидата в депутаты никого из нас не интересовала, и мы всецело доверялись тем структурам, которые его выдвигали. <...> Конечно, мы тогда не задумывались о том, что депутаты – каждый в отдельности и все вместе – были ничего не значащими в политике фигурами: за них все решала партия, а они своим существованием помогали делать вид, что в стране есть выборная советская власть, которая якобы и решает важнейшие вопросы. Мы не скоро это поймем, и то не все, и не в одночасье.

И вот отголоски отнюдь не победоносной финской войны докатились и до Чернигова. Из письма Нине от 23 декабря: «Сегодня мы прощались со своими командирами (9/10 всего среднего и младшего комсостава нашего полка отправили в полном боевом снаряжении и в касках). А днем прострелил себе ногу один старший лейтенант – как тебе это нравится?

Я зря это пишу, ты не разглашай...»

Были случаи и малодушия: каждый человек – это отдельный мир. Я ничего не пишу о наших командирах: мы их не запомнили из-за того, что те часто сменяли друг друга. Полк запасный, поэтому личный состав менялся непрерывно. Часть наших ленинградских, с кем вместе приехали, уже отправили на Западную Украину, другую часть – в Золотоношу.

Отчетливо помню, как в первые дни пребывания в Чернигове едва не поддались гадкому чувству, что вот нами, студентами, командуют люди с трехклассным образованием. Слава богу, хватило ума понять нелепость этого: не вина младших командиров, а их беда, что не смогли учиться. Нельзя забывать и о том, что лишь в середине 30-х годов в стране ликвидировали неграмотность, и только в 1930 году, когда я пошел в школу, ввели всеобщее обязательное начальное образование. А нам повезло: мы жили в большом городе в семьях со средним достатком и могли учиться, не думая о хлебе насущном.

Чем же тут гордиться? Мы считали себя сознательными комсомольцами и сделали для себя единственно правильный вывод: «Мы, солдаты с десятью классами, и они, наши командиры стремя классами, пришли в армию для того, чтобы сделать ее сильной и боеспособной, то есть мы пришли делать одно общее дело, необходимое для страны. Так в чем же тогда вопрос?» И мы раз и навсегда установили с нашими командирами теплые, товарищеские отношения, и больше никогда не «возникали».

Что мы знали о финской войне? Сперва – ничего, а вскоре...

К концу декабря стало известно от поступающих с фронта раненых, что наше командование не оценило противника, которого шапками не закидать; забыло о том, что в летнем обмундировании воевать зимой в Финляндии нельзя; понадеялось на то, что финские рабочие и крестьяне не захотят защищать свое буржуазное правительство и только мечтают с января 1918-года о том, чтобы мы помогли установить у них советскую власть.

На примере Финляндии проявила себя непреложная истина: любому народу – малому или большому – дорога свобода, и никаких «освободителей» он не потерпит. Вспомним: после того, как независимые Эстония, Латвия и Литва под давлением Москвы осенью 1939 года под-

писали «Пакты о взаимопомощи» с СССР⁹, туда немедленно были введены советские войска для защиты этих государств от фашистской агрессии. Но агрессия на тот момент была надуманной, просто эти государства входили в сферу интересов Сталина по известному договору с Гитлером от 23 августа 1939 года.

Когда наступил черед Финляндии подтвердить свою «лояльность» по отношению к СССР аналогичным образом и полюбовно «отдаться» восточному соседу, она наотрез отказалась. Переговоры в октябре-ноябре 1939 года закончились ничем, что привело к расторжению «Договора о ненападении» 1932 года со стороны СССР. Используя опыт немцев при вторжении в Польшу 1 сентября 1939 года, наши не хуже их спровоцировали пограничный конфликт: финны «посмели» обстрелять великую державу!¹⁰ Так 30 ноября началась эта не очень популярная в истории война, принесшая нам огромные людские потери и материальные затраты, большое количество пленных и моральный урон: «чем советская агрессия лучше германской?»

Все оказалось ошибочным и абсурдным. Финские солдаты проявляли незаурядное мужество, защищая свой дом и свою землю. Только через многие годы мы узнаем правду о том, как поднялся простой народ Финляндии на священную для него войну; как, забросив домашние дела, женщины-труженицы своими руками и безвозмездным трудом помогали экипировать солдат всем необходимым – от теплых носков до меховых варежек; как шли добровольцами на фронт студенты, школьники и медсестры; как бывший российский генерал Маннергейм сумел талантливо организовать оборону рубежей Финляндии...¹¹

Из Швеции шли в Финляндию эшелоны с добровольцами из многих европейских стран, чтобы сражаться на стороне финского народа против Красной армии. Совсем недавно такие же эшелоны с добровольцами шли в республиканскую Испанию на борьбу с фашизмом. Англия и Франция, проявляя нервозность, уже сколачивали экспедиционный корпус для отправки в Финляндию вместо того, чтобы воевать с Германией, которой они недавно объявили войну.

Советское командование понимало, что кончать войну следует как можно быстрее. В первые недели боев сказались неудовлетворительное оснащение наших войск, плохая подготовка наступления в укрепленной полосе, недостаток техники и многое другое. В результате наступление захлебнулось, потери оказались неожиданно велики, а три стрелковые дивизии попали в окружение и были полностью разгромлены финнами. Мне довелось видеть фотографии того, что осталось от этих дивизий: исковерканные орудия, разбитые автомашины и повозки, а вокруг – множество замерзших трупов красноармейцев. Командиров дивизий незамедлительно расстреляли, руководство приняло меры: заменили командование фронтом, прибыли свежие части, но на этот раз в валенках и полушубках; поступила техника, особенно много – артиллерии; произведены перегруппировка войск и тщательная подготовка к новым наступательным боям, что и не замедлило сказаться. Но не все можно было исправить: эта война обошлась советской стороне в 130 000 убитых¹², а финны потеряли 25 000 человек.

Моя тетушка, Анна Ивановна, о которой упоминалось выше и которая прошла финскую кампанию от первого до последнего дня, с болью вспоминала «огрехи» кампании: как в первые дни войны голова колонны стрелковой дивизии, растянувшейся на несколько километров по лесным дорогам, неожиданно упиралась в собственный арьергард; как не давали покоя

⁹ 28 сентября – с Эстонией, 5 октября – с Латвией и 10 октября – с Литвой.

¹⁰ Имеется в виду «инцидент» (артиллерийский обстрел советских войск) у дер. Майнила.

¹¹ Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) – барон, финский государственный и военный деятель, маршал (1933). В декабре 1918 – июле 1919 регент Финляндии, с 1939 – главнокомандующий финской армией, председатель Совета государственной обороны (с 1931). Руководил действиями финской армии во время советско-финляндской войны 1939–1940, а также в 1941–1944 в качестве союзника фашистской Германии. В сентябре 1944 был вынужден заключить с СССР мирное соглашение на условиях советского правительства. В 1944–1946 – президент Финляндии.

¹² Потери РККА за 105 дней составили 333 084 чел., в том числе убито или умерло – 65 384, пропало без вести (из них 14 043 предположительно погибли, а остальные – взяты в плен). См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование/Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. М, 2001. С. 195.

«кукушки» – снайперы, засевшие в ветвях деревьев, – выбивавшие в первую очередь командный состав; как велик был процент обмороженных бойцов и командиров, которых Анна Ивановна, будучи врачом медсанбата, едва успевала отправлять в тыловые лазареты. Не раз были случаи ошибочной бомбежки краснозвездными самолетами расположенных в лесах своих же частей. Сказывалась плохая лыжная подготовка и неумение вести рукопашный бой. Недочетов – не перечислить.

По моему мнению, кое-что финская война дала, но слишком дорогой ценой: граница от Ленинграда была отодвинута, хотя это должен был предусмотреть Ленин в процессе дарения Финляндии независимости в декабре 1918 года; Генштабу долго придется устранять изъяны в боевой подготовке войск, в их снаряжении и технической оснащенности; проявился недостаточный профессионализм командных кадров, выдвинутых в короткий срок на высокие должности взамен старых, более опытных, которые были репрессированы в 1937–1938 годах и в большинстве уничтожены; после финской войны многих уцелевших командиров станут понемногу выпускать из лагерей. В это число попадут и такие известные впоследствии боевые генералы, как Рокоссовский, Лукин и другие.

В истории финской войны есть еще одна любопытная деталь.

Речь идет об одном стихотворном опусе, слова которого были записаны в виде песни на граммофонную пластинку в Ленинграде за несколько месяцев до войны. Песня предназначалась для финского народа, чтобы убедить его в том, что советские войска пойдут не завоевывать, а освободить Финляндию.

Почетный и срочный заказ на такую песню получили поэт Анатолий Френкель и композиторы – братья Дмитрий и Даниил Покрасс, которые в свое время прославились такими любимыми песнями, как «Марш Буденного», «Если завтра война», «Три танкиста» и другими. Творческая бригада с заданием партии справилась. Песня называлась «Принимай нас, Суоми-красавица», отдавала дешевой и не украшала Политуправление РККА.

В словах песни проступал и неприкрытый издевательский тон. Вот эта не востребовавшая песня:

Сосняком по околкам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер.

Ломят танки широкие просеки,
Самолеты жужжат в облаках.
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.

Мы привыкли брататься с победами,
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвездную славу свою.

Много лжи в эти годы наверхено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывайте ж теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!

Ни шутам, ни писакам юродивым

Больше ваших сердец не смутить.
Отнимали не раз вашу родину,
Мы приходим ее возвратить.

Мы приходим помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер.

Песня не помогла: финский народ ответил огнем на поражение, не убоившись самолетов, танков и штыков, которыми мы надеялись его запугать. Но все это и составляет часть нашей истории, которую мы продолжаем познавать...

6

Но тогда мы ничего этого не знали, да и знать не желали. Наш девиз был однозначен: «Бей врага!»

В конце декабря многое изменилось: официально объявили, что полк начинают в темпе готовить к отправке на фронт. Комсостав, призванный из запаса, уже был отправлен 23 декабря.

Стрелковым ротам дали месяц на подготовку, и они должны были покинуть полк в конце января. Пулеметчикам, минометчикам и артиллеристам дали по два месяца, и в конце февраля наступал наш срок отправки на север. Таким образом, Румыния пока отодвигалась на задний план.

Весь январь прошел в интенсивной солдатской учебе, мы много стреляли – огневой подготовке уделялось особое внимание. Питание стало беднее, в магазинах Чернигова исчезли продукты, в город продолжали прибывать раненые с фронта.

В январе я решил не писать Нине: у нее зачетная сессия, а я и так скоро попаду на север! Мы, ленинградцы, только и ждали отправки на фронт и стремились ускорить это событие высокими показателями стрельбы. Мы питались слабой надеждой заскочить на пару минут домой во время следования эшелона через Ленинград: это высвечивалось пределом мечтаний, а что ожидало нас за этим – никто и не задумывался.

Неожиданно стало известно, что весь состав полка передается другой, но уже регулярной части, а на наше место придут новенькие.

Утром 30 января 1940 года мы выехали двумя эшелонами к новому месту службы.

Ромны

1

С карантином было покончено. Теперь мы не запасной полк, мы – настоящие солдаты и тем неумно горды! Проехали Нежин и Бахмач. Позади 210 километров. Пункт назначения – город Ромны Сумской области. Новая часть – 147-я стрелковая дивизия, 640-й стрелковый полк, 1-я пулеметная рота. Новая дивизия дислоцировалась в Харьковском военном округе.

В городе Ромны жителей немного – всего 15 000 человек (а в Чернигове было 67 000). В недалеком прошлом город славился как курорт: живописные окрестности; улицы широкие, обсаженные тополями; склоны высокой горы, на которой расположился город, летом утопают в зелени фруктовых садов. Город чистый, публика хорошо одевается. На улицах много народа. Дома невысокие – в один и в два этажа; есть шесть школ-десятилеток, а на окраине города –

табачная и кирпичная фабрики. Транспорт гужевой; ходит автобус, а машины исключительно военные, но и их немного. Воздух чист и прозрачен.

Большая казарма, а точнее – здание, приспособленное под казарму, была в центре города. Быт тот же, что и в Чернигове: без воды (от бани до бани), без радио, без столовой. Последняя находилась в 500 метрах от казармы прямо на городской улице и под открытым небом. Столовая – это ряды длинных дощатых столов без сопутствующих скамеек, чтобы едоки не задерживались, но под легкими тентами от дождя и снега.

На все, начиная с хлеба, был установлен жесткий лимит. Рацион питания резко ухудшился: обеденный суп – одна вода с блестками жира, заправленная томатом, в которой плавало несметное количество крупно порезанных долек соленых огурцов. Они всегда оставались горками на столах, иногда ими швырялись. Мясо, жиры и сахар стали редкостью: война давала себя знать. Своим родителям я написал, чтобы не присылали продуктовых посылок: кушать масло и колбасу без хлеба не хотелось, хлеба же катастрофически не хватало, только-только на обед.

В военном городке – красноармейский ларек. В нем, кроме махорки и туалетных принадлежностей, ничего не было. Иногда привозили ситро, но его не купить, так как к ларьку не пробиться: плотные ряды атакующих едва не валили его наземь.

В магазин комсостава нас не пускали: мы его содержимое вмиг расхватаем, но и там ассортимент был беден.

В Чернигове в магазинах лежали булочки, баранки, конфеты, сахар – все, кроме ржаного хлеба. В Ромнах – шаром покати! В городе 5–6 продуктовых магазинов с пустыми прилавками: жителей отоваривали непосредственно на предприятиях.

У нас зачастую бывал такой покупательский азарт, что готовы скупить все: кусок хлеба, хвост селедки, булку – но ничего этого не было. Мы не голодали, но питались однообразно и не калорийно: всегда хотелось чего-то еще, например, сладкого, особенно когда не дотерпеть до обеда или ужина. Но это в дни и часы, которые мы проводили в военном городке. В поле же было не до еды.

В Ромнах у нас был такой распорядок дня, что Чернигов с карантином в запасном полку показался раем. Здесь нас принялись ускоренным темпом готовить к отправке на фронт. На занятия в поле отводилось 12 часов в день. В основном это были тактические занятия: пулеметная рота «в наступлении» и очень редко – «в обороне». «Оборона» считалась отдыхом.

Подъем в семь утра, отбой в час ночи. Ежедневно выходили на дальнее стрельбище, занимались инженерной подготовкой – рытьем окопов, траншей и блиндажей. До места занятий еще надо дойти с пулеметами на плечах: 10 километров туда и 10 обратно, подняться на гору в город, спуститься с обледеневшей горы. Нередко – по несколько раз в день.

Нам объявили, что полк считается на военном положении, увольнительные отменяются, а все личные вещи (письма, тетради, писчую бумагу, карандаши и другие мелочи) держать только в ранце, ибо в любой день можем не вернуться в казарму.

Строевых занятий было мало – только тактика и стрельба.

Из письма Нине от 11 февраля: «Я вспоминаю, как жаловался Юрка (наш одноклассник. – Д.Л.) на усталость от нескольких часов строевых занятий в день. Мы их считаем отдыхом...» Строевые занятия, как правило, проводились в перерывы, но и те были редкими и короткими.

Целый день в чистом поле по колено в снегу, на ветру и морозе пробыть не просто, но от нас требовалось не пробыть, а выполнить всю программу занятий: лежать за пулеметом, вести огонь и поражать цель, устранять перекосы ленты, бежать с пулеметом «в наступление», рыть окопы и траншеи, вести штыковой бой и тому подобное. Еще нововведение: обязательное ежедневное ползание по-пластунски на 500 метров, не вставая. Одолели и это, соблюдая

железное правило – если приподнимется от земли зад, то считай, что в бою получил в него пулю, а сейчас – штрафное очко: либо повторить упражнение заново, либо скоблить после отбоя полы и туалет.

Ежедневные занятия в поле стоили немалых физических усилий. Первое время мы здорово уставали, но потом втянулись. Из письма от 18 февраля: «Мы теперь стали людьми, незнющими усталости – кажется, что на ногах можем быть сколько угодно. Но зато и спать можем в любое время и сколько угодно...»

К ночи мы возвращались в казарму с полевых тактических занятий или со стрельбища всегда насквозь мокрыми от талой воды, снега, пота – в зависимости от погоды, но сухими – никогда. Спали без одеял, укрываясь мокрыми шинелями. Вся мокрую верхнюю одежду, в том числе портянки, брюки, рукавицы, подшлемники, на ночь раскладывали на матрасе в надежде высушить до утра теплом собственного тела. И так – каждую ночь. В казарме была круглая металлическая печь, но на ней хватало места развесить одежду лишь 5–6 человек. Все чаще приходилось спать до утра в противогазах. Привыкли и к этому.

Мы прекрасно понимали, что это все «цветочки», а «ягодки» ждут нас на Карельском перешейке. Это заставляло весьма добросовестно, скрупулезно, по многу раз отрабатывать каждый прием, доводя его до совершенства, не жалея сил и выкладываясь до предела. Все рвались на север и на быт не обращали внимания. Командиры только качали головами: «Если бы все так служили!» Мы же, ленинградцы, постигали солдатскую науку намного быстрее, чем это предусматривалось нормативами и уставами. Науку – убивать!

Как ни странно, у нас не было лыжной подготовки, и мы за зимний период 1939/40 года лыж в глаза не видели. Толи весь их запас находился на фронте и пропал там безвозвратно, то ли командование планировало использовать нас в боях весеннего периода...

Буденновский шлем был заменен на стальную каску с серым, вязаным, довольно плотным, с вырезом для глаз и рта подшлемником, который согревал на морозе голову под каской и заправлялся под шинель, заменяя ворот свитера или кашне в домашних условиях. У подшлемника был один недостаток: от учащенного солдатского дыхания (на горбу 32 килограмма металла!) он мигом обрастали ледяной коркой, которую непрерывно приходилось скалывать всеми доступными способами.

Нам выдали кирзовые сапоги взамен ботинок и краг, но у меня размер обуви 43,5, и я, не сумев подобрать сапоги, остался в крагах.

В короткие перекуры грелись махоркой, приплясыванием, шуточной борьбой. При этом я отрабатывал на ребятах приемы борьбы вольного стиля, вызывая их «телячий восторг» и неподдельное восхищение. Эти приемы я сам постиг только недавно в Ленинграде, о «каратэ» и «джиу-джитсу» мы тогда не знали. А греться было необходимо. Местные старожилы говорили, что такой суровой зимы на Украине давно не было, в Одессе даже лиманы замерзли. Очень стыли ноги в ботинках, которые «по уши» забивались снегом и льдом. Но мы больше переживали за тех из нас, кто уже уехал на север, отчетливо сознавая, каково в такой мороз на фронте.

Часто можно было слышать:

– Хотя бы насморк схватить, да пару дней на кухне отогреться... – Но ни одна хвороба к нам не приставала.

Когда в поле приходили полевые кухни – был праздник на час. Пока мы разделялись с первым блюдом, второе – пшенная каша в крышке котелка – превращалась в лед. Съесть кашу уже было невозможно. Мы в ранце приносили ее в казарму и перед отбоем расправлялись с ней.

У нас были обычные плоские котелки тех лет с крышками. В один котелок мы получали суп на двоих, во второй – чай на двоих, а в каждую из двух крышек – по порции второго. Так

мы с Геней Травниковым весь 1940 год и хлебали суп из одного котелка. Мыть котелки было нечем, обтирали их снегом, а мороз уничтожал микробов.

Стрелять приходилось много, особенно нам с Геннадием, поскольку нашим оружием был «Максим». В те дни командование патронов не жалело. Нормативы, например, такие: уничтожить двумя очередями за одну ми нуту батальонную пушку, находящуюся на расстоянии 900 метров. Макет пушки поднимали из окопа на короткое время, за которое следовало: обнаружить, когда цель появится в твоём секторе стрельбы, зарядить, установить прицел, навести, закрепить, поразить цель.

Подготовка первого и второго номеров пулеметного расчета предусматривала полную взаимозаменяемость. С нормативами мы с Геней справлялись, но у меня больше оценки «хорошо» не было: трудно бить на расстояние 900 метров – сказывался недостаток зрения, который я тщательно скрывал, желая стать полноценным солдатом. Строго говоря, если бы мы с Геннадием не выполняли нормативы стрельбы, то мигом подлежали «разжалованию»: станковый пулемет – не игрушка, а в те годы – главное оружие батальона и вся надежда стрелковых подразделений в бою, для огневой поддержки которых мы и предназначались.

Бывали и забавные моменты, когда я просил ребят:

– Свистните, когда цель появится!

А они надрываются от смеха:

– Давно стоит, сейчас уберут! – Так я успевал всадить в цель две полагающиеся очереди.

Ходили слухи, будто вышел приказ НКО брать в армию всех, у кого с очками зрение становилось нормальным. Не ведаю, может оно и так, но у меня была близорукость (0,1–0,3 диоптрий с минусом), и я служил без очков.

Наконец в казарме появилось радио, но слушать было некогда. Вторично пришлось принимать военную присягу: все документы остались в Чернигове.

Выходных дней у нас не было, но в субботу – тогда в стране были шестидневки – занятия проводились только до обеда.

Ежедневно с двенадцати до часу ночи – чистка оружия, при этом глаза от усталости слипались. Независимо оттого, проходили в этот день стрельбы или нет, оружие было на морозе более 12-ти часов. В такие минуты мы с Травниковым завидовали тем, кому было только винтовку почистить, а нам – целый пулемет. За ним мы тщательно следили, зная, что с ним придется завтра идти в бой. Пулемет не имел права подвести ни нас с Травниковым, ни нашу пулеметную роту, ни батальон...

В праздничный день, 23 февраля, вместо обычного черного хлеба получили на завтрак белый хлеб, чем остались весьма довольны.

До обеда на вещевом складе упаковывали и обшивали для отправки домой свою гражданскую одежду. После обеда состоялся митинг с последующим торжественным маршем по городу с духовым оркестром.

О моих планах на будущее можно узнать из письма Ниночке от 26 февраля: «Мои планы: через два года быть дома, если не "увлекусь" службой, во-первых, и если не угробят – во-вторых...»

Так грубо успокаивал я свою любимую подругу. А дело было в том, что тогда существовала должность замполитрука роты. Знаки различия – четыре треугольничка в петлице и красная звездочка на рукаве гимнастерки. У нас его звали Васей (фамилию забыл). Он часто отсутствовал в роте, и как-то в течение месяца мне пришлось его замещать по просьбе политрука роты. Халтурить я не умел, а потому, когда Вася вернулся в роту, политрук, довольный моим усердием, пообещал направить меня в соответствующее военное училище, хотя согласия я пока не давал. Я знал, что Нина, выросшая в семье военного на артиллерийских полигонах, могла только приветствовать мое решение поступить в любое военное училище.

Из наш их командиров хорошо запомнились только двое, наверное, потому, что у них был и похожие по звучанию фамилии: Косенко и Власенко. Оба – помкомвзводы в возрасте сорока лет, мобилизованные, оторванные от семей, и мы по-человечески сочувствовали им, особенно когда сердечно провожали их в феврале на финский фронт: они могли не вернуться оттуда на «свою мать – ридну Украину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.